

ВЛАДИМИР СКИФ

где русские
смыслы сошлись

Самый древний прадед.
Жизнь переживает негав.
В полях бескрайних Русь св
Горда плещет над крестом.
Ей ветер ковы расстилает.
И в поле горной и пустой
Ворона мертвая летает.
Здесь дои стоял. И там ни
Молнии сошлись в вол

избранное

Владимир Петрович Скиф

Где русские смыслы сошлись

Серия «Библиотека российской поэзии»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20108524

Где русские смыслы сошлись: Издательство «Маматов»; СПб.; 2016

ISBN 978-5-91076-132-6

Аннотация

Стихи Владимира Скифа чисты, прозрачны, глубоки, светоносны, как озеро-море священный Байкал. О них нельзя говорить презренной прозой. Их надо читать, слушать, осязать, чувствовать, зреть, обонять, погружаться в мелос и растворяться в нём... В них отражается РУССКИЙ КОСМОС, рыдает РУССКОЕ СЕРДЦЕ, сквозит обжигающий РУССКИЙ ВОЗДУХ, сияет вселенской мудростью РУССКАЯ ЛЮБОВЬ и осеняет светом РУССКАЯ НЕБЕСНАЯ БЛАГОДАТЬ.

Евгений Семичев

Содержание

«Где ты, Родина позабытая?..»	6
«Под сырой осенней позолотой...»	18
«Все боли века я в себе ношу»	24
Взгляд из вечности	26
Золотая пора	33
Прекрасный удел поэта	37
Самобытность таланта	44
«Сам свою я выбираю долю...»	46
Утишитель земных печалей	48
Скифский огонь	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

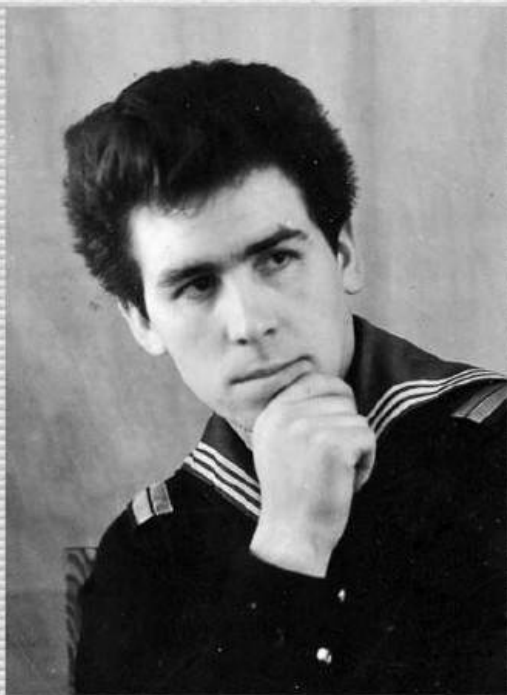
Владимир Петрович Скиф

Где русские смыслы сошлись

© В. Скиф, 2016

© ООО «Маматов», оформление, 2016

* * *

Владимир Скаф

«Где ты, Родина позабытая?..»

Заочное моё знакомство с одним из лучших современных поэтов России – иркутянином Владимиром Скифом состоялось давно. Стихи Владимира Петровича, яркие гражданственные и проникновенные лирические, часто встречал во многих журналах и альманахах России. А вот личное знакомство с этим сибирским поэтом состоялось в Сибири, на замечательном литературном празднике «Сияние России». Праздник русской духовности и культуры по традиции ежегодно собирает писателей России вот уже не одно десятилетие. В 2013 году и мне довелось быть гостем «Сияния России». Вспоминается завершающая этот праздник поездка по знаменитой Кругобайкальской железной дороге.

«Какая песня без баяна? Какая Волга без Руси?» – поётся в песне. По аналогии можно сказать: «Какая Сибирь без Байкала?». Об этом славном море-озере, его тайнах, истории, поэзии немало говорили мы, пока ехали его берегом. География России была представлена писателями раздольно. Поэты земли Иркутской Василий Забелло и Михаил Трофимов, на ура читавший нам свои стихи, так похожие на народные. Народный писатель Республики Саха-Якутия Николай Лугинов. Приехавший из Москвы, где сейчас живёт, сибирско-иркутский поэт Василий Попов. Директор Иркутского Дома литераторов, прозаик Юрий Баранов... Сидевший

рядом со мной Владимир Скиф достал из пакета книгу и подал мне со словами: «Накануне праздника был в типографии и попросил, чтобы мне специально к “Сиянию России” отпечатали несколько экземпляров. Вам дарю одному из первых, потому что знаю вас давно».

Книга ещё пахла типографской краской. На красивой обложке я прочёл: «Все боли века я в себе ношу...». Автограф был тёплый, что не лишне в начале октября на Байкале: «Дорогому Эдуарду Константиновичу, с которым мы так чудесно встретились на нашем русском национальном празднике русской духовности и культуры “Сияние России”. Бесконечно рад этой встрече, знаю Вас, читал и очень ценю. На дружбу, на долгое наше стояние за Русское Слово. Автор В. Скиф. 5.10.13. Иркутск». Я крепко пожал руку Владимиру Петровичу, мы по-братски, по-сибирски, по-землячески обнялись. Другие писатели тоже радостно приветствовали рождение новой книги. Один экземпляр по давней общеписательской традиции окропили водкой, подняли тост и сердечно поздравили автора. За окном поезда светился осенней зыбкой лазурью Байкал...

«Высокий свет насыщенных небес, // Лазурью напитавшийся в Байкале, // Морозом опрокинулся на лес // И подси-
нил заснеженные дали. // Как звонко в небе и легко в лесу, //
В прозрачных рощах всё переменилось. // Себя неслышно по
тропе несу, // Мне это утро будто бы приснилось. // Среди
берёз такая благодать! // Прильну к берёзке и скажу: – Го-

лубка! // Твоя душа моей душе под стать. // Всё в нас с тобой устроено так хрупко. // О, где ещё так плавно, так легко // Стремится время по сугробам ясным. // И дышится, как в храме, глубоко, // И видится грядущее – прекрасным».

Простые на вид и прозрачные, совсем как вода в Байкале, стихи... А ведь и впрямь, мы остаёмся русскими на наших огромных просторах только до тех пор, пока есть у нас образы и символы, которые всех нас роднят и заставляют ощущать родство. Эти символы настолько значимы, что помогают нам преодолевать движением душ те огромные расстояния, которыми славится Россия. Матушка-Волга, батюшка-Дон, былинный Китеж, могучий Урал, седой Каспий... Байкал – символ совершенно особый. В нём все эти символы как бы собраны воедино. Батюшкой назвать Байкал логично. Могуч ли Байкал? Конечно! Седой и древний? Несомненно! Былинный? Ещё какой былинный!.. Не оттого ли родным Байкал считает даже тот, кто ни разу на Байкале не бывал? Выпьет русский мужик в праздник чарочку и поёт то про «славное море, священный Байкал», то про «дикие степи Забайкалья, где золото роют в горах...». Не потому ли стихи из совсем новой книги поэта Владимира Скифа, пронизанные байкальскими ветрами, вдруг показались мне до боли знакомыми?... Издревле Байкал ассоциируется у русского человека с той исконной русской волей, что дана каждому из нас по праву рождения, а не какими-то мифическими «правами человека» и «общечеловеческими ценностями». Владимир

Скиф при всех прочих своих творческих достоинствах, о которых немало сказано известными критиками и его «коллегами по поэтическому цеху», для меня предстал в первую очередь – певцом Байкала, на берегу которого и состоялось наше настоящее творческое знакомство. Байкал неслучайно «приравнен» поэтом к храму. Он и есть храм нерукотворный, самым Богом для нас сотворённый.

А сибиряки, сколько их «немного» знаю, родившись и выросши в Сибири, это русские люди «в квадрате». Владимир Скиф из таких. С одной стороны – улыбчивый балагур. С другой стороны – откроешь да считаешь его стихи, и понимаешь, какая глубинная трагическая печаль сокрыта под этой внешней ясностью. Писатели художественно обосновывают сибирский характер тем, что, дескать, климат в Сибири такой, что не забалуешь. Морозы вымораживают из человеческой души всякую гниль и червоточину. Эта суровость множится на огромные расстояния, когда пятьсот вёрст – не расстояние, а триста вёрст – не крюк. Из них, байкальской «глыби» и сибирской широты, как из истинно русской системы координат, проистекают практически все стихи Владимира Скифа. Родные до боли сердечной, милые сердцу приметы народного русского сибирского быта самоцветно рассыпаны по этим стихам.

«Милая малая родина. // В сенях – уютный закут. // Зорь раскалённые противни // Солнечных зайцев пекут. // Поле овсяное тихое // Прячет улыбку в усы. // Каплет роса или

тикают // В маминой спальне часы. // С облака падают голуби, // Рдяное утро свежо. // Ткань поднебесного полога // Первым кроится стрижом. // Дверь наша в сених захлыбала, // В подпол ушла тишина. // Встала деревня, одыбала // От упоённого сна. // Переливаются голуби // Радужным, ярким пером. // Будто бы звёзды расколоты – // Светят дрова серебром. // День – обновленьем и гомоном // Утренний двор приобнял, // И золочёную голову // В небо подсолнух поднял. // Пряная наша смородина // Перешагнула забор... // Милая малая родина – // Божьего промысла двор...».

Старинные ладные русские слова, что «на материке» среднерусском порой уже иными нашими современниками не только не употребляются, а и не понимаются. А в стихах Скифа они современны – иначе не скажешь! Молодое наше поколение, за редким исключением, этими «родовитыми» словами «брезгует», не понимая того, что именно они и дают русской речи красоту и объём. Пусть молодые поэты почитают Скифа, он им откроет красоту этих слов! Ведь в его творчестве эти слова не просто живы, они актуальны, красивы, органичны, понятны. «Захлыбала», «одыбала» – вкусные слова. Их хочется произносить, смаковать. Через них ощущать себя частью огромной страны, где не только высокие купола светятся золотом, но даже обычные сибирские дрова отливают серебром! Вот так являет читателю поэт небесное в земном, большое в малом! Его «малая родина» – не меньше, чем – вся Россия. Она – Божий двор!

Как уже говорилось, «малая родина» в отношении сибирских бескрайних просторов – понятие относительное. Не потому ли сибиряки, как никто, не отделяют малую родину от большой? Эта сибирская широта натуры часто спасает Родину большую, материковую. Те сибирские дивизии, что спешили за тысячи вёрст на подмогу осаждённой Москве, поди, и не думали о своей сибирской хате – не просто с краю, а за тысячи-тысячи километров от осаждённой Первопрестольной. Пришли, увидели, победили! Разметали гитлеровскую орду, откинув от Москвы! А ведь, поди, многие тогдашние солдаты-сибиряки, собой закрывшие Москву, впервые-то в жизни и, возможно, в последний раз в жизни и увидели-то воочию столицу своей Родины, которую пришли защищать ценой собственной жизни.

«Ой, ты, Родина златоглавая, // Ты лесами, цветами расцвечена! // Судьбоносная, величаяя, // Неподкупная, вековечная. // В золотых веках предком свитая, // Ввысь до Господа вознесённая, // Где ты, Родина позабытая, // Злыми ветрами унесённая? // Как пробитая астероидом, // Ты свистишь насквозь свистом горестным. // И едят тебя смертным поедом, // А защитников – ровно горсточка. // И высокая, и широкая, // Ты была на миру заглавная. // А теперь стоишь одинокая, // Но, как прежде, ты – православная. // И, как прежде, ты – моя Родина, // Ты – любовь моя сокровенная. // Мной не предана и не продана, // Русской памяти сердцем верная. // Предкувоину благодарная, // Горемычная и несы-

тая, // Небом чтимая, богоданная, // И поэтому – неубитая».

Чем должно быть дорого и близко творчество Владимира Скифа современному читателю? А тем, что живёт в его стихах – пульсирует, страдает, любит и ненавидит – наряду с Родиной «непозабывтой», но уже прошлой, Россия не просто настоящая, но и устремлённая в будущее. Эта устремлённость вкупе с верой в Божий промысел не позволяет поэту впасть в уныние. Не позволяет ему ввергать в грех уныния и читателя. Россия Владимира Скифа «Богом чтимая»! Не закрывая глаза на неизбежные земные «язвы», Владимир Скиф ни минуты не позволяет ни себе, ни читателю усомниться в том, что Россия не одинока, потому что она – с Богом!

«Словно печка – заря затопилась, // Заалела, как дверца в ночи. // Мне сегодня под утро приснилось: // Выпекает заря кулича! // Это правда, а может быть, сказка, // Но я вижу на стыке веков: // Луч рассвета – янтарная скалка // Раскатала блины облаков. // Это тихая явь или небыль? // Я услышал: запела пчела, // И поджаристо хрустнуло небо, // И весёлая Пасха пришла». Редкое по образности стихотворение. В нём мироздание уподоблено и приравнено к ладу русского исконного быта, в котором «сотворение хлеба» сродни священнодействию. Этот образ предстаёт и художественно-зрительно – через полыхающую зарю. И в пространстве истории – «на стыке веков». И в движении раскатываемых блинов. И в звуковом постижении этого русского земного и небесного мироздания – в звуке «поджаристого» кулича, пении пче-

лы...

...Так получилось, уезжал я из Иркутска по окончании праздника «Сияние России» едва ли не последним. Москвичи улетели накануне, а я, спасибо расписанию железной дороги, подзадержался. Ещё денёк вдыхал ветра Байкала и наслаждался сибирским радушным гостеприимством. Провожать меня на вокзал приехали Владимир Скиф с замечательным фотохудожником Сергеем Переносенко... А потом в поезде я имел возможность не только спокойно прочесть новую книгу Скифа, но и поразмышлять о ней, любуясь сибирскими широтами из окна поезда. Эти мои размышления не претендуют на то, чтобы быть рецензией. Было бы дерзостью пытаться рецензировать стихи известного поэта после того, как их рецензировали выдающиеся современные критики. А вот своими впечатлениями о творчестве этого поэта поделиться считаю себя вправе. Как эссеист, как читатель, как современник! И как сибиряк, наконец! Потому что от этих стихов веет родным для меня ветром неоглядной материковой Сибири!

«Чтобы ты никому не досталась // Даже в малых пределах мечты, // Я сверну, словно шаль, твою шалость, // Разведу с твоим прошлым мосты. // Ни за кем в этом веке жестоком // Не должна ты по свету идти. // Притеку к тебе шумным потоком, // Чтобы встать у тебя на пути. // Не хочу, чтобы ты ликовала // Подле чьих-то залётных кудрей. // А хочу, чтоб меня целовала // В звёздных дюнах и в складках морей. //

Я хочу, чтобы ты не пугалась // Бездны слов и мерцанья миров, // Чтоб лететь со мной рядом старалась, // Будто ласковый снег на Покров...».

Понятное дело, что вышепротитированные строчки посвящены поэтом любимой женщине. Но ведь их с полным основанием можно отнести и к Сибири, наверное, самой главной «женщине» поэта Владимира Скифа! В его стихах, столь современно, а порой и злободневно звучащих, подспудно звучат параллели с неизбывной русской классикой. Чтение стихов Скифа даёт проницательному читателю возможность взглянуть по-новому на классику. «Не доставайся ты никому!» – в запальчивости крикнул бесприданнице влюблённый герой русского великого драматурга. И ведь не досталась: это были последние слова, которые женщина-бесприданница слышала. В стихотворении Владимира Скифа это «чтобы ты никому не досталась» – не рефлексивный вскрик ревнивого самолюбца, но твёрдое мужское спокойное осознание полной ответственности за судьбу любимой женщины, родины, земли. Да и «лирическая героиня» этого стихотворения Скифа, будь она Сибирь или просто женщина, – ой какая не бесприданница! И дело даже не в безграничных «недрах» земли, а скорее – недрах души. В тех душевных качествах – как женщины, так и родины, – которые подвигают лирического героя Владимира Скифа быть ответственным, быть мужчиной, ибо на таких «женщин» охотников за «приданным» много. Как вокруг, так и за океаном, где постоянно

алчно смотрят в нашу сторону! Но пока рядом с женщиной, родиной такие мужчины-поэты, как Скиф, она не достанется на дешёвую потребу чужакам.

«Как хочу мой великий народ сохранить я!.. // Он не турок, не швед. Он по сути другой. // Мы пронизаны русской незримою нитью – // И народный герой, и упрямый изгой... // Связан каждый друг с другом священной нитью, // И поэтому каждый в России – связной. // Непонятен душою, живёт по наитию, // Русь святейшую помнит своей глубиной. // Там славянские боги над родиной светят, // Там и скифы-сарматы, и русы-князья // Тянут ниточку эту сквозь крепи столетий, // Где в цепи достославный народ мой и я. // Нить единой судьбы и единого гнева // Серебрится в душе старика и юнца. // Там одно для любви и для радости небо, // Там у русской тропы не бывает конца. // Русский щит на краю Куликова – засветит, // Чтобы Русь защитить и векам сохранить, // И протянется нить к Бородинской победе, // И до Прохоровки вдруг дотянется нить... // Заклубятся века, задымятся столицы, // Будет враг побеждённый в полях наших стыть! // Пусть глядит в небеса, где пылают зарницы, // Там – на небе – свивается русская нить!...».

Нить, воспетая поэтом, гибка. Но она же и крепка, иначе бы не соединяла воедино эпохи и столетия России. А из Сибири, как известно, намного виднее порой Россию, чем из самой России! Эта нить, несомненно, и «красная нить», чего прямо не сказано поэтом, но принимая во внимание, что

Скиф – певец империи, и советской в том числе, это несомненно. Но эта же нить – полноцветная, соборная, соединяющая и сшивающая воедино времена и пространства, народы и веры... Эта гибкая нить не менее крепка в образной системе Владимира Скифа, чем восхитивший меня в другом стихотворении негибкий гвоздь. И бытийная нить, и становой имперский гвоздь, одна гибкостью, другой негибкостью, равно держат Россию, взаимодополняя друг друга. Потому что и гибкость, и негибкость – две стороны противоречивой русской натуры. С одной стороны – восприимчивой на всё новое. С другой стороны – натуры твёрдой, когда дело идёт о сохранении исконной традиции.

«Жил гвоздь большой в двадцатом веке // Среди обыденных гвоздей. // Он мог в сани, и в телеги // Запрячь людей и лошадей. // Он жил, хандры не признавая, // Гвоздь негибкий, прямой. // Шёл, к небу грозы прибывая, // На «ты» с Фемидою самой. // Катил истории повозку, // Железный оставляя след. // И вбить его по шляпку в доску // Не мог ни воин, ни поэт. // Я этот гвоздь в России вижу, // Он здесь хозяин, а не гость... // И я подумал, чтобы выжить – // России нужен этот гвоздь!...».

Вспоминается крылатое выражение другого известного поэта: «Гвозди бы делать из этих людей, не было б в мире прочнее гвоздей». Но гвоздь Владимира Скифа не железный, а живой, в моменты испытаний становящийся крепче железа. Тем и ценен. Тем и дорог. Тем и негибает перед

обстоятельствами.

*Эдуард АНАШКИН, прозаик, эссеист, член Союза
писателей России, Самарская область*

«Под сырой осенней позолотой...» (Из очерка «Моя Сибирь, моя Россия»)

Владимир Скиф, сибиряк, иркутянин, отец троих детей и автор двух десятков книг, лауреат премий имени Ершова, Эдуарда Володина, Николая Клюева и др. – в общем, человек известный. Владимир Бондаренко почему-то предположил, что Скиф – истинный поэт эпохи Водолея. «И не только потому, – пишет Бондаренко, – что родился 17 февраля 1945 года, под знаком Водолея; всем творчеством своим он как бы предваряет наступающую эпоху Водолея, эпоху России»¹. Не могу с этим согласиться, ведь эпоха Водолея – это концепция (согласно определению Википедии), лежащая в основе представлений культуры Нью-Эйдж о том, что на смену эре Рыб (ассоциируемой с христианством) приходит новая эпоха, в которой будут господствовать учения, представляющие синтез различных вероучений и современных научных достижений. Т. е., по сути, это антихристианство – то, что разрушает Россию, весь мир. Я бы не стал отлучать поэта Скифа от великой русской христианской культуры, записывая его в приверженцы религии «нового века». Нет, он вырос на рус-

¹ См. статью «Поэт эпохи Водолея» Владимира Бондаренко. http://symill.ucoz.ru/news/stikhi_vladimira_skifa/2010-03-04-30

ской почве, крона его таланта шумит в нашем, русском лесу. Таким я его и увидел – стройным, с выбеленными сибирскими морозами волосами, седобородым, но моложавым поэтом с искренней, звонкой, но глубокой, как Байкал, поэзией.

«Смирнов, который изменил фамилию» – так иронично объясняет Скиф происхождение своего псевдонима. Скиф улыбается, я улыбаюсь в ответ, его слова тоже отзываются во мне шуткой, но какой-то грустной: «Главное, Родине не изменил. Главное – Родине верен остался». И останется! Последнее – совсем уже без иронии.

*У меня коровы нету.
Но как только алый круг
Заскользит по белу свету,
Я иду на мокрый луг.
Острой бритвою-косою
Я размашисто кошу.
Даже в полдень под грозою
Травы-навы торможу².*

Нет, не он изменил свою фамилию. Это Блок его благословил из далёкого далека, это сама Поэзия поставила его в первые ряды тех «с раскосыми и жадными очами», которых «тьмы, и тьмы, и тьмы». Кому-то ведь надо возвещать миру, что «так любить, как любит наша кровь, / Никто из вас давно не любит! / Забыли вы, что в мире есть любовь, / Кото-

² Владимир Скиф, см. на сайте: <http://www.rospisatel.ru/skif-stihi.htm>

рая и жжёт, и губит!»³. И не Блок напророчил, что «Россия – Сфинкс», вечная древняя загадка. Так судил нам Бог:

*Архангелом набросана вчерне
Судьба России, длящейся веками.
Она – то в небе, то на самом дне,
То скипетром сверкает, то курками⁴.*

Так судил Бог: коль хотите нести правду, быть совестью народов, помните: в мире будете иметь скорбь (Ин. 16, 33). Из столетия в столетие мы протягивали руки и зывали:

*Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятия!⁵*

А они в ответ:

*...глумясь, считали только срок,
Когда наставить пушек жерла!⁶*

И приходил роковой срок (и приходят новые сроки), и пушки стреляли (и опять будут стрелять), стонала земля, плавилась, рассыпались в прах горы, но стоял человек, рус-

³ Скифы // Александр Блок. Избранное. М.: Детская литература, 1969.

⁴ Владимир Скиф, см. на сайте: <http://www.rosписatel.ru/skif-stihi.htm>

⁵ Скифы // Александр Блок. Избранное. М.: Детская литература, 1969.

⁶ Там же.

ский человек. «Мильоны» их? А нас?

*...Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы,
С раскосыми и жадными очами!⁷*

В глазах Владимира Скифа плещется Байкал, и в поэзии его, морозной, свежей и по-сибирски крепкой, играет волнами «Славное море – священный Байкал»:

*И мой Байкал. И этот чистый свет,
Мои глаза и душу напоивший.
Я не загинул. Я ещё поэт,
Не зря, быть может, на земле светивший⁸.*

И ещё:

*Под сырой осенней позолотой
Оживаю от душевных ран...
Из меня уходит сумрак плотный,
Как с Байкала-озера туман.⁹*

Воистину, выплеснувшееся на землю и ставшее Байкалом

⁷ Там же.

⁸ Владимир Скиф, см. на сайте: http://symill.ucoz.ru/news/stikhi_vladimira_skifa/2010-03-04-30

⁹ Там же.

небо, сибирская ширь заживляют все раны души и изгоняют из неё сумрак. Что перед этой красотой, необъятностью вся наша боль, все наши слёзы, невзгоды, разлуки? Лишь штрихи лёгкого дождя, лишь ветерок, опавший на лицо... Не потому ли так свежо лицо Владимира Скифа, так неуловимо-легка его улыбка? И так точно, так проникновенно его слово?

*Посреди дороги древней
В тишине почую Русь.
И душой к родной деревне,
Как к иконе, прислонюсь.¹⁰*

Пусть болью проникнута его мысль о родной земле. Но и надежда живёт в его слове, и благодарность Богу за всё. А в этом и есть полнота, в этом и есть сила:

*И увижу: в тёмном небе
Так и кружит вороньё.
То кровавый снег, то пепел
Век мой сыпал на неё.
У деревни сто отметин,
Сто зарубок, сто могил:
Кто любил её на свете,
Кто мечами порубил.
Слава Богу, что живая,*

¹⁰ Владимир Скиф, см. на сайте: <http://www.rospisatel.ru/skif-stihi.htm>

*Что не мёртвая она.
В небе рана заживает,
Красным полымем полна.*¹¹

Наша сила в вере, в любви к родной истории, в преданности нашей великой стране. Да, мы Скифы, но Скифы великие, вечные, непобедимые...

Игорь ИЗБОРЦЕВ, г. Псков

¹¹ Владимир Скиф, см. на сайте: <http://www.rospisatel.ru/skif-stihi.htm>

«Все боли века я в себе ношу»

Мне приятно сказать своё слово о творчестве Владимира Петровича Скифа – талантливейшего русского поэта, по моему глубокому убеждению, входящего в десятку лучших поэтов всей России. Его стихи – по-сибирски сдержанные и глубокие, чужды надрывного пафоса, который у нас сегодня, увы, среди мужчин-поэтов, числящих себя патриотами, часто переходит в пораженческие рыдания по поводу кончины России. Увы, оснований для квасного патриотизма нет, мы живём в суровое время, предъявляющее России суровые геополитические и социальные вызовы. Тем мужественнее должен быть русский поэт. «То не поэзия, что не делает меня чище и мужественнее», – сказал кто-то из мировых философов.

И эти слова в полной степени можно отнести к творчеству Владимира Скифа. Его вырывающееся из глубин души самоцветное слово трогает сердца читателей, даже самых взыскательных и искушённых. После прочтения стихов Скифа хочется жить, любить, творить на благо страны, хочется страдать и бороться. А иначе для чего нужны стихи? Я не буду тут писать о системе образности Владимира Скифа, про то сказали и, я уверена, ещё не раз скажут профессиональные критики (в частности, блистательный и снайперски точный в оценках Вячеслав Лютый).

Мне, как поэту, а не критику, важнее другое – талант Скифа, поставленный на службу России, лучшему в ней. Способность Скифа-поэта любить Россию не с завязанными глазами, не через розовые очки, а любить в свете пушкинских заветов – принимая такой, какой её нам Бог дал, с непростой русской историей, трагичными изломами и величайшими прорывами, её, летящую в бездну и вдруг воспаряющую победно в зенит на глазах изумлённого мира, приготовившего к её кончине, – парадоксальную нашу Россию, способную рождать таких поэтов, как Владимир Скиф.

Книги Владимира Скифа ясно показывают, что их автор сейчас на взлёте и ещё не раз порадует всех нас, своих коллег и – главное! – читателей, духовными прорывами и душевной глубиной.

*Диана КАН, член Союза писателей России, лауреат
Всероссийской литературной премии «Традиция»,
лауреат Всероссийской премии «Имперская культура», г.
Новокуйбышевск*

Взгляд из вечности

Трудно, чрезвычайно трудно писать рецензию после всеохватного биографического очерка Владимира Бондаренко, открывающего поэтическую книгу Владимира Скифа «Русский крест», но всё же попробую. Любому думающему читателю бросится в глаза символическое сочетание **Имени** и **Заглавия**. Действительно, вся поэтическая реальность Владимира Скифа держится на символах. Символ Креста, символ России, Народа, Любви, Поэта... Владимир Скиф – опытный публицист в стихах, ему присущ **богатый метафорический строй**. Метафора гармонией своей охватывает разрушенную реальность (та самая «трещина мира», которая пролегла через сердце поэта). И хотя в метафорическом строе стихов Скифа чувствуется влияние поэзии **Юрия Кузнецова**, это не подражание, а общность, обусловленная единым миропониманием: **болью за Россию**.

Собственно, и смелое включение в традицию классики, и портреты поэтов, писателей связаны именно с этим. Скиф в стихах – поэт поступка, его слово действенно, как дело. Потому Слово в его стихах пишется с большой буквы.

*И раным-рано я встаю,
Над светом, над землёй стою.
Душой высвечиваю Слово,*

Оно – души моей основа.

И всё-таки в поэзии Скифа словно два начала. Одно стремится к простому, повествовательному изложению, другое осмысляет окружающий мир при помощи метафор. Пример тому – стихотворение «Летняя кухня». Само изображение летней кухни, прошлого – гармонично и просто. Переход же из настоящего в прошлое и из былого в настоящее переполнен метафорами.

*Сдвигается даль за окошком.
Как тень, преломляется день,
Сжимается время гармошкой:
И снова я вижу плетень...*

.....

*В грядущее мне улетать.
Туда, где деревни потухли,
В столицах – народ жестяной.
Где русскую летнюю кухню
Навек разлучили со мной.
Туда, где ползучее пекло
Спалило родные края.
Где смотрит Россия из пепла,
Из шатких основ бытия.*

Очень часто всё стихотворение построено на символе, переосмыслении фразеологизма. «Пожары»:

Пластают шапки. Шапок горы.

Поэт стоит и говорит:

*– Неужто все в России воры,
Ведь шапка каждая горит?!*

Музыкой боли объято стихотворение философское, за которым стоит не изображение, а множество способов читательского осмысления:

Время – тёплое, холодное.

Время семени и злака.

Распускается мелодия,

Будто бы головка мака.

Почва мира каменистая,

Божьим промыслом объята.

И горит звезда кремнистая,

И болит всё то, что свято.

Скиф – хороший, умный лирик. При этом философская его поэзия чиста и прозрачна, написана ясно («всё на русском языке»).

Жизнь – она не позолота,

Но в одном уверен я:

Мне и петь, и жить охота —

Мне по росту жизнь моя.

Жизнь – она не повторится,

Потому охота мне

*Жить и сердцем серебриться,
Будто верба при луне.*

.....

*Будет счастье и везенье,
Возле жизни – свет сквозной,
И Святое Воскресенье
После Пятницы Страстной.*

Одно из лучших стихотворений «Россия. Тоска. Бездорожье...» скорее лирическое, чем ораторско-пафосное. В нём сказывается традиция русского романса, приглушённое его страдание.

*...И нет ни крыльца, ни причала
Душе с вековой виной,
Как нету конца и начала
У русской дороги степной.*

Вообще во всех стихах есть ощущение движения жизни, лёгкости написанного (в хорошем смысле этого слова).

*Когда б я не чувствовал жизни движенья,
Когда б не села на воде звезда,
То я не искал бы её отраженья
И сердце своё не отдал бы звезде.*

Такое ощущение, что человек всю жизнь свою фиксирует в стихах, и это не редкие всплески вдохновения, а умение

поэтически объять всё: и родину, и природу, и любовь.

*Душа томится в нетях,
Чем дальше, тем больней.
Душа почти не светит,
Когда не светят ей.
Уходит день-печальник,
И наступает ночь.
Себе, поэт-молчальник,
Не в силах ты помочь.
Не заручиться былью,
Не клясться на крови.
Душа полощет крылья
В пустотах нелюбви.*

Именно в любовной лирике Владимира Скифа сказывается приверженность традиции – традиции золотого века. Пушкин, Тютчев. На переосмыслении их строк, даже хрестоматийно известных, основаны многие стихотворения из цикла «На краю любви». Они ясны и сюжетны. И всё же любимый жанр поэта – притча, аллегория.

*Пора бы должное воздать
Их трудолюбию, терпению
И научиться их уменью
Не разрушать, а созидать.
Потомство бережно хранить,
Любви учиться у природы...*

*Увы! Сумеют ли народы
Себя в себе соединить?*

(«Муравьи»)

Насекомые становятся ни больше ни меньше как символами поэзии:

*Влекомый музыкой кузнечик,
Ты – жизни трепетный манок,
Земного мира малый глечик,
Искусства хрупкий позвонок.*

Но особую любовь поэт испытывает к муравью. *«Ты строитель добра, ты поэт и мудрец»*. Другие насекомые – тоже символы стихий (тля), зла (скорпион) и добра, трудолюбия, небесных сил (пчела, божья коровка). Думаю, что образу цикады, *«воющей, как автомобиль»*, мог бы Набоков позавидовать. Так же, как и пристальному и подробному зрению автора этой книги. Впрочем, В. Скиф и сам это понимает, посвятив Набокову одно из стихотворений. Такое видение – от космоса и великих просторов родины до микрокосма малых созданий – и есть поэтический мир Владимира Скифа, который предусмотрительно расположил разделы книги с перспективой: от великого к малому. В конце концов великое с малым смыкаются:

Древнее в мире нету свитка,

*Чем звёздный свиток в небесах.
Ползёт в Галактике улитка
И держит время на усах.
Медлительность – всего лишь пытка
И для глубин, и для высот.
В Галактике по ткани свитка
Улитка времени ползёт.*

Поэтический взгляд Владимира Скифа – это не злободневный взгляд на наболевшие проблемы современности, но скорее взгляд с точки зрения вечности. Наверное, таким и должен быть взгляд поэта.

Ирина КРАЙНОВА, г. Саратов

Золотая пора

Поэту Владимиру Скифу исполнилось 70 лет. Не верится! Читаешь его стихи и радуешься свежести чувств, простодушной молодой впечатлительности, лёгкому, быстрому отклику на множество судьбоносных событий, то и дело происходящих в нашем мире, событий, изменяющих жизнь человечества столь быстро, что многие из нас не успевают понять: куда и зачем движется земная история. А Скиф успевает...

С той поры, как он, будучи шестнадцатилетним юношей, впервые опубликовал в 1961 году стихотворение, посвящённое полёту Гагарина, много воды утекло. Издано 25 книг стихотворений, получено много больших и малых премий (последняя – премия «Нашего современника» за стихи, напечатанные в 2014 году), вложено столько сил в жизнь Иркутской писательской организации, одной из крупнейших в России...

Ведь недаром же иркутские писатели недавно снова избрали его своим председателем.

Но для меня Владимир Скиф – прежде всего поэт. В предисловии к его сборнику «Золотая пора листопада» несколько лет тому назад я написал такие слова: «Владимир Скиф – поэт, быстро вдохновляющийся, легко и обильно пишущий, стремящийся запечатлеть священный для него облик Родины».

ны – России:

*Дымится времени река,
Невзгоды, словно льдины, тают.
Идёт Россия сквозь века,
А может, в вечности плутает.*

Облик Родины для поэта складывается из многих светлых и священных понятий, которые, словно клейма, обрамляют центральное изображение иконы – это или озеро Байкал, или поэт Николай Рубцов, или град Иерусалим, или композитор Свиридов... А ещё Александр Блок, Сергей Есенин, Василий Шукшин и многие другие образы небесной России. Но, побывав на неземных высотах, как и подобает православному человеку, облегчив созерцанием и молитвой душу, вчерашний язычник Владимир Скиф с тем большей страстью возвращается на землю, полную трав и ручьёв, цветов и пчёл...

«Ангел простых человеческих дел» – по словам Николая Крюева – охотно сопровождает его в самых немудрёных житейских работах: помогает колоть дрова, топить печь, собирать рыжики, солить капусту.

*Топор, колун – всё в действии сегодня.
Какая радость в мышцах и в душе!
А в чистом небе – Николай Угодник
С живой водой в невидимом ковше.*

Он же – этот Ангел – наущает писать стихи и «вновь за руки вести сквозь дни или века» своих детей, словом, жить на родной сибирской земле жизнью всех предыдущих поколений, освоивших прибайкальские просторы.

Владимир Скиф – поэт земной и грешный, многоглагольный и многострадальный, искренний и велеречивый, и, прочитав его книгу жизни от начала до последней строки, я подумал, что, выбирая свою подлинную тропу, спотыкаясь и останавливаясь, он идёт к истине:

*Истина – искра от Бога —
Вспыхнет и высветит высь.
Надо мне в жизни немного:
С Истиной не разойтись.*

*Выбрать такую дорогу,
Где между пней и камней
Тропку, как ниточку к Богу,
Выведет Истина в ней.*

*Чтобы я духом и телом
Все испытанья избыл,
Чтобы и словом, и делом
Свет искупленья добыл.*

*Надо мне в жизни немного:
Чтоб не махали ножом,*

*Чтоб у родного порога
Встретила мама с ковшом*

*И улыбалась не строго...
Чтоб в золочёном венце
Истина – искра от Бога —
Мне посветила в конце.*

«Золотая пора листопада»... Пусть эта его пора длится
как можно дольше...»

Станислав КУНЯЕВ

Прекрасный удел поэта

Крым. Краем света считали его древние греки, «медалью на планете» назвал чилийский политик и поэт Пабло Неруда. Замечательное географическое расположение полуострова сделало его границей и местом соединения между Европой и Азией. После возвращения Крыма в родной дом, в Россию, он стал действующей ареной встреч. Летом 2015 года проведено множество поэтических фестивалей, конкурсов, презентаций. Это было сближение общений уже существующих ЛИТО и рождение новых. Большой континент России провёл немало творческих форумов в Крыму, а Первый Международный литературно-музыкальный фестиваль «Интеллигентный сезон» составом выступивших поэтов, писателей, композиторов, исполнителей с первой попытки доказал полноправность эпитета «международный» в названии его. Это высокая планка творчества. Поэты крымских городов слышали лучшее из поэзии москвичей, казанцев, тверичан, сыктывкарцев, тамбовцев. А орган литературного издания «Литературный Крым» № 8 2015 года дал возможность и читателям познакомиться с произведениями победителей. Дополню к сказанному, что на страницах газеты читатели имеют возможность знакомиться с произведениями не только крымских авторов, но и талантливых писателей и поэтов России.

Россиянам давно известны стихи и публицистические работы Владимира Скифа, поэта и литературоведа из Иркутска. А теперь знают его и крымчане. Напевность поэтических строк полюбилась многим композиторам. Владимир Зоткин, Виктор Грозин, Сергей Маркидонов, Анатолий Тепляков, Евгений Якушенко, Анатолий Криштопа дарят музыкальные крылья стихам Скифа, а барды: Владимир Браништи, Николай Зарубин, Евгений Куменко – и музыку сочиняют, и песни на стихи Владимира исполняют.

Волнует и чарует поэтика строк Скифа. Он глубиной сердца, ранимой душой говорит о России, а создаётся впечатление, что это Россия горестно и мудро размышляет из самой патриархальной глубинки, «то молчит, то кричит». Литые, тяжёлые строки, взятые из «смёрзшейся от горя памяти», врезаются в душу. «Пулемёт памяти строчит», высвечивая, словно кадры, «разбомблённые храмы», «разбитую колокольню», и Россия предстаёт «в терновом венце» (стихотворение «Ноябрь перекрасил синеву»). Автор продолжает задавать жёсткие вопросы о судьбе. Поэтические тропы ярко создают впечатляющие, даже «эксклюзивные» образы: «холодный лунный лоск», «стеклянной луны», «луны-переноски», «кувалда заморского ветра». Волнующе зримо он изобразил время, которое «бьётся пульсом на каждом челе»:

*Спит земля, тихо время струится,
Бьётся пульсом на каждом челе.*

(«Земля»)

Произведения рассказывают о состоянии человека во Вселенной и о самой Вселенной: «Живому сердцу одиноко», «Душа Вселенной холодеет». Вот уж, действительно, «выдохнул миру интерес», «притронулся плавной рукой», а «вложил... сердечный непокой». Создаются смысловые поля: торжественная красота мира и человеческий интерес. Природа не отделена, не оторвана от Лирического героя, его волнений и ощущений. С каждой строкой ярче смысловая окраска, поэтический рост слова усиливается:

*Вживи себя в сей Божеский замес,
Чтоб радуга вставала до небес,
Чтоб равновесье ветер потерял,
Чтоб ты себя в себе не повторял,
А взял свою судьбу наперевес
И клином света обтесал замес.*

Далее тематическое расширение продолжается и вырастает до философского вывода. Но это после работы над собой, после борьбы с сомнением, «тьмою в углах души», когда ты

*...вышиб темень из углов души,
Плеснул, как пламя, радости ковши,
Тогда и выйдет Храмом на крови
Произведенье веры и любви.*

(«Замес»)

Стихи «пашут» мозги. Вникая в их содержание (а иначе и не получится), хочется и дыхание, и «взвихренную кровь», и «смертную любовь» отдать «безумству храбрых», чтобы «вышибить темень из углов», плеснуть, «как пламя, радости ковш», «идти за Родину в атаку». В стихотворении «Бабушка» встаёт некрасовский образ «женщины в русских селеньях». Только время угадывается другое. Читаешь строку «снегов бескрайние закрома», и предстаёт перед тобой далёкая сельская периферия. А образ бабушки не может быть оторван от привычного деревенского уклада жизни. Для бабушки привычно:

*Скосить траву, сметать зарод,
Не убиваться в недород.*

А строка «от нужды детей спасти» снова напоминает некрасовскую мысль: «На праздник есть лишний кусок». Владимир Скиф подчёркивает великую роль русской женщины, которая в жестокое время войны и разрухи выносила совсем не женские тяготы. К концу стихотворения автор делает образ обобщающим. Всё может бабушка:

*Достать звезду, построить дом,
Россию выласкать трудом.
От Витебска до Колымы*

Все дети бабушкины – мы.

Общей была беда, не только родственники забирали в свои семьи детей погибших на фронте, это я могу подтвердить своей жизнью. В стихотворении «Сталинград» поэт, говоря «об аде земном», иносказательно назвал войну священной:

*И Ангелы в окопах Сталинграда
Вставали в ряд с солдатами войны.*

Для всех живых и погибших «лучшей из всех наград», «как орден величавый»

*Вставал непокорённый Сталинград,
В лучах своей непобедимой славы.*

Журнал «Доля» познакомил крымских читателей с творчеством Владимира Скифа ещё в 2013 году, поместив на страницах стихи сорокалетней давности. Но как мудро показал поэт, что время только укрепило его убеждения:

*Чем старше я, тем строже выбор
Красавиц, здоровиц, новизны.
И, как ни странно, я не выбыл
Из песен, музыки, весны...
Чем старше я, тем достоверней
Мысль, что спасёмся красотой.*

*И мне всё ближе Достоевский,
Чем Короленко и Толстой.
Чем старше я, тем гуще время
Замешивает жизнь мою.
И всё отчётливее кремний
Скрипит у бездны на краю.*

Разнотемна поэзия Скифа. В его стихи «вошёл простреленный каплей снег», «душою космос овладел». В других строках он ругает «власти, словно твари неразумные, // За собой влекущие войну». В стихотворении «Валентину Распутину» поэт даёт высокую оценку писателю за его постоянную заботу о чистоте природы:

*Россия будет спасена!
И в этом есть твоя заслуга.
Борьбы невиданной накал
Очистит Родину от смога.
Задышат Волга и Байкал!
И в этом есть твоя подмога.*

Тема поэта и поэзии – трепетная тема для автора. Прекрасно высказал своё мнение Владимир Скиф вот такими строками:

*Поэтов мало, стихотворцев рать,
И это очень грустная примета.
Ведь только Бог способен выбирать*

*В своей Господней милости – Поэта.
Сергей Есенин – он под Богом был,
И на вопрос, который не был шуткой:
«Кто в мире вы?» —
Сказал, как отрубил:
«Кто в мире я? Я – Божья дудка!»*

Поэзия – «прекрасный мой удел», – признаётся Владимир Скиф, творческое вдохновение дарит ощущение полёта:

*Какая улица прямая!
Простреленный каплейю снег
Вошёл в стихи. А я летаю
Под облаками по весне.
Вошли стихи... И без усилия
Душою космос овладел.
Там я отрациваю крылья:
Таков прекрасный мой удел.*

Прекрасным своим уделом называет Скиф поэтический труд, так пусть он таким останется и далее, светлым и вдохновенным.

Нина ПЛАКСИНА, Крым

Самобытность таланта

Дорогой Володя! Спасибо тебе за книгу! Спасибо за столько отличных стихов, многие из которых настолько пронзительны, с таким болевым нервом, что сердце захватывает. Как ты написал о Маше Распутиной! О самом Валентине! А о Родине: «О, как люблю Отчизну я // Жестокой, нежною любовью». И вот такое: «Поле овсяное тихое // Прячет улыбку в усы». И в том же духе: «И душой к родной деревне, // Как к иконе, прислонюсь...» Володя, тебя цитировать и цитировать можно без конца, настолько у тебя душа открытая, русская, сибирская, настолько твоё творчество стало художественно сильным. Прочитав твой «Русский крест», я ещё более полюбил тебя. Я говорю о цельности, самобытности таланта твоего. И полностью согласен с Володиёй Бондаренко, он всё правильно написал о тебе, я бы добавил только одно: есть в твоих стихах красота – живая, природная, и это красота и высота твоей романтической души. По нынешним временам это редкость.

Рад за тебя, за нашу русскую поэзию. Живёт и будет жить! И никакие хазары не возьмут нас, и Русь не умрёт, ведь ты же, в конце концов, сам убеждаешь:

*Оживают в любви и во славе
Русский крест,*

*русский мир,
русский дом!*

***Николай РАЧКОВ, поэт, член Союза писателей России,
секретарь правления Союза писателей России, лауреат
многих всероссийских и международных премий, г. Тосно
Ленинградской области***

«Сам свою я выбираю долю...»

Стихи Владимира Скифа чисты, прозрачны, глубоки, светоносны, как озеро-море священный Байкал. О них нельзя говорить презренной прозой. Их надо читать, слушать, осязать, чувствовать, зреть, обонять, погружаться в мелос и растворяться в нём... В них отражается РУССКИЙ КОСМОС, рыдает РУССКОЕ СЕРДЦЕ, сквозит обжигающий РУССКИЙ ВОЗДУХ, сияет вселенской мудростью РУССКАЯ ЛЮБОВЬ и осеняет светом РУССКАЯ НЕБЕСНАЯ БЛАГОДАТЬ.

О таких, как Скиф, в народе говорят: ПОЭТ от БОГА! Или: его при рождении поцеловал в макушку Господь! В макушку – в тот пульсирующий родничок, который осязаем только у младенца, невинного и чистого создания. С годами он, родничок этот, костенеет, зарастает косностью. У Владимира Скифа в его стихах этот Божественный родничок не заилился и сохранил свою природную свежесть и чистоту... Стихи Скифа целуют читателя прямо в сердце.

«О-о-о! Сколько пустяшных восторженных фраз и ни одной цитаты из скифских стихов!» – воскликнет докучливый критик. Цитаты? Они все уже давно растасканы по книгам многочисленных стихотворцев. Я и сам не раз подворовывал из Скифа. Чего греха таить. И всё-таки одну цитату из СКИФА не могу не привести: «Сам свою я выбираю долю, //

Проживаю заданную роль. // Нет поэта без любви и боли, //
Потому что СЛОВО – это боль». Удачи тебе, Володя! И если
слово – это боль, то я за тебя болею.

*Евгений СЕМИЧЕВ, секретарь правления Союза
писателей России, поэт, лауреат международных и
всероссийских премий, г. Новокуйбышевск*

Утишитель земных печалей

Вышла новая книга стихов Владимира Скифа с предисловием известного русского поэта Юрия Перминова, который убедительно пишет о том, что поэзия В. Скифа «напитана соками родной земли», он также цитирует Иоанна Златоуста, апостола Павла, философа Ивана Ильина, заверяя нас, что «поэту ведомо многое из того, что утишает земные печали, помогает нам выжить, выстоять».

Год тому назад, когда у Скифа вышел сборник «Молчаливая воля небес», кое-кто выказывал опасения, что он не скоро теперь «поднимет» ещё один том. Страхи увяли беспочвенно. К доброй дюжине книжек Скифа на золотой моей полке добавилась ещё одна.

Что есть поэт и поэзия? Можно сказать по-разному, но всё же главное для меня – это когда написанные стихи превращаются в публичный вызов – зов к пониманию самого аристократического вида искусств. Нежной преданностью веет на меня и от святого поклона матери, и от благословения любимой, эти стихи очень трогательны.

Здесь, как и раньше, мне видятся иркутские дворы, где мы довольно часто встречались со Скифом в нашей молодости, – самое мистическое и легко сбивающее с ног или... с ноги. И это правильно, потому что все мы идём по мосту, а шаг в общую рифму разрушает основание. И мы просто

гибнем. Скиф удерживает нас от этого удара. Скиф смягчает удар. Как он это делает? Откуда такие скрепы, опоры? Во-первых, он служил на флоте, но в авиации, то есть дважды Дракон. Во-вторых, он лепится на узком берегу Байкала, и порою до поздней осени его можно видеть в каменных бухтах и туннелях Кругобайкалки. А иногда и в аквамариновом пламени Байкала, откуда он выходит навстречу местному рыбаку Пете Мельнику и вместе с ним на стынком берегу опрокидывает по стопке и закусывает омулем. Эдакое языческое жертвоприношение хорошо согревает и сдерживает удар Байкала. Бесспорно, Байкал – один из основных Атлантов творца нового литературовидческого эпоса озёрной жизни замечательной семьи «байкальчан». Слово «дачники» – не для писателей, не в адрес писателей. Для многих это – лучшее место работы, а для самого Скифа – определённо. Не трудно цитировать популярного поэта. Его строчки нарасхват. Вот она – книга, погладь её, и она зашелестит на коленях. А мы – не кладоискатели, мы подбираем то, что поэтом обронено невзначай, оговорками. Он забыл, но мы не забудем никогда то, что ещё горит в заревах сибирского моря. «Излучения Скифа мы носим на слабой груди», об этом говорил Боря Архипкин, тип абсолютно городской. Но Скиф черпает поэзию в скалистых заливах и «фиордах» провалившейся горной страны. Кем бы мы оставались, если бы не было этого «провала»? Горцами? Поэт околдован чистой водой, он делает нас поборниками чистоты. Не тщетно ли?

Не идеалист ли он? Давайте слушать голос высокого пернатого певца, кружащего над морем: «Я лечу с журавлями по небу, // Белой чайкой скольжу между скал». К чему он призывает нас? Чем он может нас увлечь? Как это, побежать с горы и взлететь и не помнить, где ты был? Как этот зов, как эту высоту птичьего полёта поэт перенимал и удесятиерял?

Слышите певца торосов и кристальных зеркал? Никто не знает, что именно зеркало высмотрит в нас и приумножит: ум, раскаянье, любовь, как у Скифа, или «мохнатый с глазами свинцовыми выглянет вдруг из-за плеч»? Скиф учит молодых. Поэт пишет «для молодых, для тех, кто едва берётся за перо, а может быть, и не возьмётся никогда», – говорит мне студентка филфака.

Действительно, мастерство надо нарабатывать, а это – и врождённый ритм, и где-то рафинирующийся вкус, ну, страдание или цинизм – синонимы в неопровержимых строках. Думая о живом человеке, каким является Владимир Петрович, переносишься в эпохи, остановленные его пером: Цицерон и Диоген, Кирилл и Мефодий, Сергей Радонежский и Дмитрий Донской, Страдивари и Пушкин, Шарль Бодлер и Франсуа Вийон, Велимир Хлебников и Георгий Свиридов, Василий Шукшин и Николай Рубцов, Евгений Семичев и Диана Кан, наши Сергей Иоффе и Женя Варламов... Переносишься и понимаешь, как важно поэту зацепить читательские эмоции, дать крыльям воображения встречный ветер, чтобы поверили: вам здесь помогут, под-

держат, согреют. Увы, одиночество разрастается, этот синоним взаимного равнодушия, и когда не с кем и не о чем говорить, неплохо обратиться к подлинным стихам. А в Скифе мы не ошиблись: этот хороший человек ещё и хороший поэт.

В антологии личной философии поэта Скифа тревога о благе человечества постепенно вытесняется обстоятельствами вечных истин и вечных субстанций бытия, в частности бессмертной души. В одном из предисловий к собранию сочинений В. Г. Распутина Сергей Залыгин написал, что «духовность – это в частности создание истории души». Имелся в виду, конечно, труд писателя. На этой дороге теперь мы встречаем и Скифа (лат. Skitai), то есть скитальца перед лицом неба, ниспославшего Ангелов на душевный правёж. «Белый Ангел пролетает» – исповедальный раздел книги, где автор особенно щедр на признания невыболевших страстей:

*«Вы, наверно, друг друга любили?!» —
Шелестит придорожная пыль».*

*«Я хочу говорить со столбом —
Он надёжней, нежней человека».*

«Ни света, ни любви, ни Родины, ни места...»

Заметим, что долго ли, коротко ли, но «боль» из рубрик и подразделов наконец вырвалась у Скифа на самый Олимп – в название книги, ещё кипящей, ещё легко теряющей перо

на взлёте: да не обратится оно в разящую стрелу. А о том, что стихи Скифа злободневны и безапелляционны, об этом надо говорить и помнить. Поэт полон творческих инноваций и полемических презентаций и глядит на нас со снисходительной улыбкой:

*И Родина светит из всех уголков
Пронзительным светом славянства...*

Скажу о главном. Образность поэта трансформируется по линии слияния оценочности и боготворения природы от «древоточца» до «оси Земли», ворочающейся в иркутских дворах. Когда поэт превращается в писателя – это уже преобразование образного мироощущения. Поражает мощность творческой натуры! Но об этом не здесь и не сейчас... Не могу не спохватиться, чтобы сказать о победных интонациях, зачастую приходящих на смену традиционной для поэта – да и не для него одного – тематике разрухи на Руси, что говорит нам об общем подъёме духа в стране и народе, в связи с чем и хочется поздравить Владимира Петровича с выходом крепкой и интересной книги.

*Владимир СКУРИХИН, поэт, член Союза писателей
России, г. Иркутск*

Скифский огонь

(о творчестве поэта Владимира Скифа)

Как сказал Платон, поэт – это существо лёгкое, крылатое и священное; и он может творить лишь тогда, когда становится вдохновенным и исступлённым.

Вот и мы, молодые и вдохновлённые, а может быть, даже – исступлённые, начинали в 70-е годы свой путь на русский Парнас: Геннадий Гайда, Василий Козлов, Владимир Скиф, Борис Архипкин, Валентина Сидоренко, Любовь Сухаревская и другие. Немалый пройден путь, и изданы все книжки, и кто-то изменил былой звезде, кого-то с нами нет... Теперь, когда настала осень жизни, стало ясно: самый издаваемый, самый читаемый и самый любимый народом поэт – Владимир Петрович СКИФ. Именно он, Скиф, стал воплощением сегодняшней литературы, её поэтического цеха.

Чем же особенно мил и дорог нам этот поэт? Он добр и доступен в общении, никогда не строил из себя всезнающего классика; на его стихи создано немало песен, и мы напеваем их с удовольствием (про «чай безумный» на Байкале, например, или изумительное: «...Ты проживала в третьем томе / Записок Блока и стихов / Среди туманов и духов»...).

Если проследить развитие его творчества на протяжении

лет, я могу сказать, что Скифов в Иркутске немало! Их пять, а может быть, восемь. «Как же так?» – спросите вы. «А так, – отвечу я, – он един в разных лицах».

Мы помним Володю Смирнова, совсем ещё не седого, в моряцкой тельняшке и с первыми тёплыми – то весёлыми, то ироничными – стихами. Но жизнь после службы на Тихом океане стала преподавать серьёзные уроки, и стихи стали наполняться печалью и болью. Так возникают стихотворение памяти Вэлты Арясовой, «Баллада с старом бакене», «Этот узкий перрон. Этот город пустой...», таинственное «У моря», пронзительные стихи о любви...

Потом состоялись книжки: «Зимняя мозаика», «Журавлиная азбука», «Грибной дождь», «Живу печалью и надеждой», «Копьё Пересвета», «Над русским перепутьем» и другие.

А попутно Скиф сочинял эпиграммы и как-то незаметно перехватил сатирическое перо у знаменитого Александра Иванова. Пародии посыпались как из рога изобилия, и насыпалось их аж на три книги: «Бой на рапирах», «К сопернику имею интерес» и «Себя не признаваху». Читатели были в восторге, а поэты обещали устроить «тёмную»... шутя, конечно. Считалось, что пародия для поэта – лучшая реклама. Но, бывало, обижались, и даже я сплела на него довольно жёсткий хлыстик эпиграммы. А он только смеялся и сочинял пародии... на самого себя.

Время шло и предъявляло новые и особые требования к

творчеству поэтов. И эти «крылатые и священные существа» задумывались над судьбой несчастной России, попавшей в лапы самозванцев или невежд. В их произведениях появились тревожные ноты перед ужасом разорения родительских гнёзд, засорения великорусского языка, выброшенного на обочину жизни... Так же и скифская поэзия наполняется болью: в поисках истины пишутся стихи-воспоминания о родной деревне, о земляках-селянах, о байкальской природе, о Байкале, где каждым летом поэт живёт с детьми и внуками на даче. Поэт знает Байкал и его окрестности не как турист, а как хозяин, вот почему эти стихи столь живописны, полны звуков, древесных шелестов, птичьих позывных, гула штормов и нежного лепета байкальского штиля. Ещё Скиф как никто чувствует космическое дыхание Байкала и всё колдовское влияние его на человека и умеет выразить его в волшебных стихах, которые хочется перечитывать без конца:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.